

АНЖЕЛИКА ЯНЧЕВСКАЯ

Анжелика Янчевская

**Чужая невеста.
Истинная для дракона**

«Литнет»

2025

Янчевская А.

Чужая невеста. Истинная для дракона / А. Янчевская —
«Литнет», 2025

Он разрушил мою жизнь в одно мгновение. Одним словом — «МОЯ».
Древний дракон, которого все боятся, сорвал мою свадьбу и похитил из рук
жениха. Он говорит, что я его истинная пара, и что метка на моей руке дает
ему на меня все права. Он уверен, что я буду его, что полюблю, но ошибается.
Мое сердце принадлежит другому, и я вырвусь из этой клетки. А он... он
узнает, что человеческая ненависть может быть страшнее драконьего огня.

© Янчевская А., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

1	5
2	8
3	11
4	15
5	17
6	21
7	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

1

Счастье... Если бы меня попросили описать его, я бы назвала этот миг.

Великий собор встретил меня прохладой камня, которому больше тысячи лет. От сотен свечей, мерцающих вдоль стен, исходил запах сладкого воска. А над всем этим — лилии. Белые, крупные, почти неприличные в своей красоте. Их аромат, густой и сладкий, ударял в голову, наполняя каждый вдох.

Сотни гостей перешёптывались у меня за спиной. Шелестели шёлком и бархатом. С хоров лилась органная музыка, заставляя воздух вибрировать и проникая под кожу.

А я смотрела на графа Валериана и видела всю свою будущую жизнь. Она сверкала, манила, обещала.

Отец был против. Три месяца противостояния, жёстких разговоров за закрытыми дверями кабинета. «Герцогиня не опустится до графа», — чеканил он, сжимая в руке бокал с рубиновой жидкостью так, что белели костяшки пальцев. Но Валериан... он был так обаятелен и настойчив. Он появлялся на балах, говорил головокружительные комплименты, смотрел так, что замирало сердце. К концу второго месяца даже мой суровый отец смягчился. Он видел блеск в моих глазах. Видел, как я летаю по дому. И уступил.

Солнечный луч пробился сквозь цветной витраж — синее, красное, золотое стекло. Он упал на золотистые волосы Валериана, и они вспыхнули, словно нимб над головой святого. Потрясающий. Он повернулся ко мне. Сжал мои пальцы. В его тёмно-карих глазах плясали отблески свечей. На его губах заиграла улыбка — нежная, предназначенная только мне.

Ещё мгновение — и я стану его женой.

— Обещаю, — тихо произнёс он, только для меня.

Его голос был бархатным, низким, обволакивающим. Сердце пропустило удар. А потом забилося так, что кровь застучала в висках.

Мой.

Священник повернулся ко мне. Древний, седой, с морщинами, которые делали его лицо похожим на пергамент. От его парадного облачения пахло ладаном и пылью веков. Он поднял руки, сложенные в благословляющем жесте.

— Обещаете ли вы, леди Элара...

Да! Да, всем сердцем!

Я открыла рот. Слово уже было готово сорваться с языка.

Но вместо этого из горла вырвался сдавленный крик.

Боль. Она впилась в кончики пальцев, острая, жгучая, как укус раскаленных щипцов. Огненной змеей метнулась вверх по руке — по венам, под кожей, прожигая изнутри. Локоть. Плечо.

Я пошатнулась. Ноги подкосились. Я дёрнула рукой, пытаюсь унять мучительную боль, но она только усиливалась и пульсировала в такт сердцу.

Что происходит?!

Моя перчатка из тончайшего шёлка — подарок матери, расшитая серебряными нитями — задымилась. По краям поползли чёрные прожилки. Запахло палёным, едким. Ткань вспыхнула, рассыпалась пеплом и осела на мраморные плиты пола тёмным снегом.

Я поднесла руку к лицу.

И онемела.

Прямо на моей коже, проступал узор. Он пульсировал, дышал, двигался — живой, горячий, обжигающий. Чешуя, мелкая и острая, обвивала запястье. Расправленные крылья с перепонками, натянутыми между тонкими костями. Длинная шея, увенчанная головой с оскаленной пастью, полной иглообразных зубов.

Черный дракон.

Он обвился вокруг моей руки от запястья до локтя, впился в плоть и стал её частью.

Музыка оборвалась на полуслове. Наступила пронзительная тишина. Затем раздался взрыв. Сотни голосов разом всколыхнулись. По рядам прокатился шёпот — испуганный, шокированный.

— Боги милосердные... — Ты видишь?! — На её руке...

Я метнула взгляд в сторону Валериана. Его лицо было идеальным — высокие скулы, точёный нос, безупречная линия подбородка. Но сейчас на нём застыли ужас и растерянность, разрушая всю эту красоту. Глаза расширились. Рот приоткрылся.

— Элара! — Его голос сорвался на крик. — Что это? Что с твоей рукой?!

Он шагнул ко мне. Протянул руки — но остановился, замявшись в нерешительности. От моей кожи исходил жар, видимый, искажающий воздух, как над раскаленной печью. Валериан отдернул пальцы, словно обжегшись.

В наступившей мёртвой тишине раздался голос.

Он прокатился по высоким сводам, заставив содрогнуться каменные колонны, и на мгновение заглушил даже биение собственного сердца в ушах.

Властный. Непреклонный. Тяжёлый, как надгробная плита.

— Свадьбы не будет.

Я обернулась.

Герцог Кайар Радгар стоял в проходе между рядами.

Дракон.

Его не должно было здесь быть. Вообще. Отец отправил приглашение только вчера — формальность, жест вежливости. Весть о том, что древний лорд проездом в наших землях, взбудоражила весь двор. «Такую фигуру нельзя оскорбить невниманием», — сказал отец, разливая вино. Но никто — никто! — не ожидал, что дракон явится на свадьбу какой-то человечки.

А он пришел.

И теперь он стоял здесь, среди испуганных гостей, — живое воплощение тьмы и опасности. Высокий — выше любого мужчины в зале. Широкоплечий, одетый в чёрный камзол без единого украшения. Иссиня-чёрные волосы до плеч обрамляли лицо, которое могло бы быть красивым, если бы не выражение. Резкие скулы. Сильная челюсть. Губы, сжатые в тонкую линию.

И глаза.

Золотые. Не карие, не жёлтые — именно золотые, как расплавленный металл, как огонь в горне. Они смотрели на меня. Только на меня. И в них полыхало что-то древнее, хищное, неукротимое.

Его лицо оставалось неподвижным, как каменная маска, но на щеке заиграл желвак. Под кожей дёрнулась мышца. Пламя в его глазах вспыхнуло ярче.

Он двинулся вперед.

Неторопливо. Шаг за шагом. Гости шарахались от него, как от чумного, стараясь поскорее уйти с дороги.

Шелест шагов по мрамору. Дыхание — моё, его. Тишина, в которой слышно, как горят фитили свечей.

Он остановился прямо передо мной. Так близко, что я чувствовала исходящее от него тепло. Запах — терпкий, как дым костра, как выжженная земля, как что-то дикое и необузданное. Я запрокинула голову, чтобы посмотреть ему в лицо. Бабочка под взглядом хищника. Мышь перед змеей.

Он поднял руку. Взял мою — ту, что горела клеймом. Его пальцы сомкнулись на моем запястье, и там, где его кожа коснулась рисунка дракона, вспыхнуло тепло. Не жгущее. Другое. Пульсирующее. Проникающее в кровь.

— Моя, — произнес он тихо, почти на выдохе. — Истинная.

Тишину разорвал чей-то сдавленный вздох. Собор взорвался. Сотни голосов заговорили разом, перекрикивая друг друга, смешиваясь в гуле.

— Истинная?! — Но она же человек... — Это невозможно! — Кто-нибудь видел такое раньше?! — Клеймо на ее коже... Боги...

Гости поворачивались друг к другу, их лица были белыми, искаженными шоком. Кто-то вскочил с места. Дамы шептались за веерами, но их глаза горели — любопытством, ужасом, жадностью к скандалу.

— Что вы себе позволяете?!

Голос Валериана прорезал гул. Он шагнул вперед, выпрямив плечи, вздернув подбородок. Попытался заслонить меня собой. Его лицо залила краска — гнев, оскорбление.

— Элара — моя невеста! Моя! Мы здесь, чтобы соединиться перед лицом богов, и никто...

Кайар сделал один шаг в его сторону.

Всего один.

Но воздух вокруг него дрогнул. Загустел. Потемнел, точно тень пала на весь собор. Из его горла вырвался звук — низкий, едва слышный рык, от которого по каменным плитам пола прошла дрожь. Вибрация поползла по стенам. Люстры на цепях качнулись. Свечи замерцали.

Валериан замер. Его лицо побелело — так, что губы стали серыми. Глаза расширились. Он сглотнул, и его кадык дернулся. Отшатнулся на шаг. Потом еще один.

Стальная рука Кайара сомкнулась на моем запястье. Сильная. Горячая. Он притянул меня к себе — рывком, без нежности, без колебаний.

— Забудь, — прорычал он, глядя Валериану прямо в глаза. — Она моя.

Он обвил меня рукой за талию и развернул к выходу.

— Нет! — Мой крик разорвал гул голосов. — Валериан! Валериан, помоги!

Я дернулась, пытаясь вырваться, но руки дракона были железными. Он поднял меня — легко, точно я ничего не весила. Прижал к груди. Под черным камзолом перекачивались твердые мышцы. Жар обжигал даже сквозь слои ткани.

— Валериан! — Я царапала Кайара, колотила кулаками по широкой спине. — ВАЛЕ-РИАН!

Сквозь шум, сквозь гул голосов я услышала сдавленный вскрик матери. Оглянулась — и увидела ее бледное лицо, руку, прижатую к губам. Отец сорвался с места, опрокинув стул.

А Валериан... Валериан стоял у алтаря. Бледный. Растерянный. С опущенными руками. Он смотрел, как дракон уносит меня прочь, и не двигался. Даже не пытался двинуться.

— ВАЛЕРИАН!

Мой крик сорвался в отчаянье. Дверь собора распахнулась. Хлынул дневной свет, слепящий после полутьмы. Холодный осенний воздух ударил в лицо, принес с собой запах мокрой земли и увядающих листьев.

И последнее, что я увидела перед тем, как меня вынесли за порог — лицо Валериана, обрамленное сиянием витражей. Он стоял. Просто стоял.

И смотрел мне вслед.

2

— Ненавижу!

Серебряный поднос с обедом полетел в стену. Фарфоровая тарелка раскололась на сотни осколков. Суп размазался по гобелену, пачкая вышитых золотом лошадей. Серебряная вилка звякнула о каменный пол, прокатилась, замерла.

— Ненавижу! НЕНАВИЖУ!

Я схватила подушку с кровати и швырнула в окно. Она ударилась в стекло — бесполезно, глупо. Стекло даже не дрогнуло. Слезы жгли глаза, но я не позволяла им пролиться. Не здесь. Не сейчас. Не для него.

Дверь открылась без стука. Без предупреждения. Просто распахнулась — и на пороге стоял он.

Кайар.

Он заполнял дверной проем целиком, перекрывая свет из коридора, отбрасывая длинную тень на пол комнаты. Иссиня-черные волосы растрепались, падали на лоб, к скулам. Рубашка растегнута у горла, обнажая смуглую кожу и начало шрама — старого, глубокого, тянущегося к груди.

Он окинул взглядом комнату. Медленно. Осколки на полу. Суп на стене. Перевернутый стул. Разбросанные подушки. Его лицо не дрогнуло. Только глаза — золотые, горящие — вспыхнули опасными искрами.

— Я смотрю, ты освоилась, — произнес он ровно.

Его спокойствие взбесило меня сильнее любых криков.

— Немедленно верни меня к отцу!

Я сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. Подбородок вздернула вверх. Смотрела ему в глаза, не отводя взгляда, хотя каждый инстинкт кричал — беги, прячься, не смотри хищнику в глаза.

— Я уже договорился с твоим отцом.

Он вошел в комнату. Один шаг. Второй. Его сапоги шуршали по осколкам фарфора, дробя их в пыль. Запах — терпкий, дымный — заполнил пространство.

— Свадьба состоится. Со мной. — Это решено и отмене не подлежит.

— Ты не можешь решать за меня!

Я схватила со столика серебряный кубок — массивный, тяжелый, с гравировкой. Метнула в него со всей силой. Кубок просвистел в воздухе.

Он поймал его одной рукой. Легко. Даже не взглянув. Пальцы сомкнулись на серебре — и кубок замер в воздухе, в сантиметре от его лица.

— У меня есть жених! — Мой голос сорвался на крик. — Я люблю другого!

— Ты будешь моей.

Он поставил кубок на стол. Тихо. Аккуратно. Но в этом жесте была такая окончательность, что по спине пробежал холодок.

— И будешь любить меня. — Он посмотрел на меня. Прямо. В упор. Его глаза горели. — Твоя слабая человеческая кровь пока глушит зов. Она не дает тебе почувствовать правду.

Он двинулся на меня.

Неторопливо. Шаг за шагом. С ленивой грацией большой кошки, загоняющей добычу в угол. Каждое движение — выверенное, экономное, полное сдерживаемой силы.

Сердце заколотилось где-то в горле. Дыхание участилось. Я отступала — спиной вперед, не отрывая от него взгляда. Шаг. Еще один. Рукой нащупала стену.

Тупик.

Он медленно поднял руку. Я зажмурилась и дернулась в сторону, ожидая боли. Но его пальцы замерли в миллиметре от моей щеки. Не коснулись. Просто зависли в воздухе, излучая покалывающее тепло.

Он глубоко вдохнул. С хрипом. С усилием. Наклонил голову, приблизив лицо к моим волосам, и втянул воздух, кадык дёрнулся, пальцы сжались в кулак.

— Это ненадолго.

Его голос стал другим. Более низким. Более глубоким. Хриплым. Он превратился в сдерживаемый рык, который вибрировал в груди и заставлял воздух между нами дрожать. По моей коже побежали мурашки. Волоски на руках встали дыбом.

— После нашей первой ночи магия всё исправит. И тогда ты всё почувствуешь.

Он наклонился ближе. Его дыхание обожгло мою щеку.

— Почувствуешь всё то, что сводит меня с ума с того самого мгновения, как я тебя увидел.

Я смотрела в его глаза — золотые, горящие, полные чего-то древнего и неуголимого. Бессильная ярость сжимала горло, душила, не давала вдохнуть.

— Никогда! — Я плюнула ему в лицо. — Слышишь?! НИКОГДА!

Он даже не дрогнул. Только уголок губ дернулся в кривой хищной усмешке. Он поднял руку и медленно, демонстративно вытер щеку. Посмотрел на пальцы. Потом снова на меня.

— У тебя нет выбора, Элара.

Развернулся и пошёл к двери. Остановился на пороге. Обернулся.

— А теперь приведи себя в порядок. Сегодня к нам приедут твои родители.

Дверь закрылась. Тишина. Щелчок замка прозвучал как приговор.

Я стояла, прижавшись спиной к стене, и тяжело дышала. Грудь вздымалась. Руки дрожали — от ярости, от страха, от бессилия. Постепенно дыхание выровнялось. Дрожь унялась.

Родители.

Он позволит мне увидеться с родителями.

Шанс. Это шанс. Единственный. Я убегу. Уговорю отца. Упаду на колени перед матерью. Заставлю их помочь мне. Мы найдём способ. Должны найти.

Я оттолкнулась от стены и медленно пошла к огромному зеркалу в позолоченной раме. Оно стояло у противоположной стены — высокое, почти во всю высоту комнаты, в резной раме с ангелами и виноградными лозами.

Посмотрела на своё отражение.

И не узнала себя.

Огненно-рыжие волосы растрепались, выбились из сложной причёски и спутанными прядями падали на плечи. Щёки пылали — два ярких пятна на бледном лице. Губы сжались в тонкую линию. А глаза... В них горело столько отчаяния, столько ненависти, что я сама себя испугалась.

Моё роскошное свадебное платье — белоснежное, расшитое жемчугом — было безнадежно испорчено. Подол испачкан. Корсаж перекошен. Рукав порвался, когда я пыталась вырваться.

Комната за моей спиной выглядела как поле боя. Осколки. Пятна. Перевернутая мебель. Хаос.

Приведи себя в порядок.

Да. Я приведу себя в порядок. Переоденусь. Улыбнусь, если придётся. Сыграю любую роль. Буду покорной. Смирной.

Всё — ради Валериана.

Он любит меня. Я знаю это. Я видела это в его глазах. Слышала в его голосе. Он не оставит меня в беде. Не может. Он уже ищет способ спасти меня — поднимает на уши стражу, собирает союзников, договаривается с отцом.

Он придет за мной.
Обязательно придет.
Я выберусь отсюда.

И мы будем вместе.

 Дорогие друзья! Если вам понравилась книга, я очень этому рада . В этом случае поставьте, пожалуйста, лайк . Ну, а если ещё и добавите в библиотеку и напишете коммент, я буду на седьмом небе от счастья, а прода будет писаться ещё быстрее.

3

Я стиснула зубы и развернулась к двери.

— Эй! — крикнула я в пустоту коридора. — Есть здесь кто-нибудь?!

Тишина. Затем — тихий шорох шагов. Дверь приоткрылась, и на пороге появилась девушка. Молодая, не старше двадцати. Светлые волосы убраны под белый чепец. Серое платье служанки. Она вошла, опустив глаза, и присела в реверансе.

— Миледи, — произнесла она тихо, почти шёпотом. — Я Марта. Его светлость приказал мне помочь вам.

Я окинула её взглядом. Она не смотрела на меня. Пальцы нервно теребили край фартука. Испуганная. Очень напуганная.

— Мне нужна ванна, — отчеканила я. — Приготовьте.

— Да, миледи. Сейчас.

Она метнулась к двери слева от кровати — я даже не заметила её раньше — и распахнула её. За дверью оказалась небольшая комната. Ванная. Стены, выложенные белой плиткой. Высокое узкое окно. И большая медная ванна на изогнутых ножках, уже наполненная водой.

Она взяла кувшин с широкого стола у стены и вылила в ванну горячую воду из большого котла, стоявшего на жаровне в углу. Пар поднялся густым облаком. Затем она начала добавлять что-то из бутылочек, стоявших на полке.

Я подошла ближе, чтобы рассмотреть их. Десятки маленьких флаконов — прозрачных, зелёных, синих, янтарных. Некоторые с резными пробками, другие запечатаны воском. На каждом — надпись на незнакомом языке.

Марта открыла один флакон, и комнату наполнил аромат розы — густой, пьянящий, почти осязаемый. Затем она открыла другой флакон, и к розе добавилась ваниль, сладкая и тёплая. Третий флакон источал свежий и бодрящий аромат цитрусовых.

— Жасмин, миледи? — Марта подняла на меня взгляд, держа в руках изящную бутылочку цвета морской волны. — Его светлость велел, чтобы...

— Мне всё равно, — перебила я. — Делай что хочешь.

Она кивнула и добавила несколько капель. По комнате разлился нежный, обволакивающий аромат жасмина. Она взяла ещё один флакон, поменьше остальных, почти чёрный, и капнула совсем немного.

Запах изменился. Стал глубже. Терпче. К цветочной сладости примешалось что-то дымное, древесное — сандал, кедр.

— Готово, миледи.

Я стянула с себя платье — моё свадебное платье, которое должно было стать началом новой жизни. Оно упало на пол грязной, мятой тряпкой. Я переступила через него и вошла в ванную.

Горячая вода обожгла кожу. Я зашипела, но заставила себя опуститься. Вода поднялась до подбородка. Тепло окутало меня, проникло в мышцы, разлилось по телу. Я закрыла глаза и позволила себе выдохнуть.

Марта бесшумно опустилась рядом на колени. В руках у неё была мягкая губка и кусок мыла — не обычного, а почти прозрачного, цвета мёда, пахнущего миндалем и молоком.

— Позвольте, миледи, — прошептала она.

Я не стала возражать. Она мыла мне волосы осторожно, бережно, словно боялась причинить боль. Втирала в пряди что-то ароматное из маленького глиняного горшочка — густое, кремообразное, пахнущее персиками и какими-то цветами. Мягко массируя кожу головы круговыми движениями.

Успокаивающе. Почти приятно.

Когда она закончила, я вышла из ванны. Марта завернула меня в большое полотенце — мягкое, пахнущее солнцем и травами. Затем она проводила меня обратно в комнату и усадила в кресло у окна.

Гребень медленно и осторожно скользил по моим волосам, распутывая узлы. За окном солнце клонилось к закату, окрашивая небо в красные и золотые тона.

— Платье, миледи, — тихо произнесла Марта.

Я обернулась.

На кровати лежало не одно, а целых три платья. Все роскошные. Все яркие. Одно — изумрудно-зелёное, из тяжёлого бархата, расшитое золотыми нитями по корсажу. Второе — насыщенного рубинового цвета, с широкими рукавами и вышивкой жемчугом. Третье — цвета спелой сливы, почти фиолетовое, с высоким воротником и кружевами на манжетах. Видимо принесли, пока я принимала ванну.

Все дорогие. Все красивые. Всё не то.

— Нет, — сказала я. — Принеси что-нибудь тёмное. Простое. — Я сглотнула. — Траурное, если есть.

Марта побледнела.

— Миледи, я... я не могу. Его светлость дал указание... — её голос дрожал.

— Я не буду, — отрезала я.

— Миледи, пожалуйста! — В её глазах блеснули слёзы. — Экономка накажет меня! Она... она строгая. Очень строгая. Если вы не наденете то, что велел его светлость, она решит, что я плохо служу, и...

Она замолчала, прикусив губу. Руки её дрожали.

Я посмотрела на неё. На её испуганное лицо. На дрожащие пальцы, теребящие край фартука. Она боялась. Не меня. Той женщины. Экономки.

Я сжала зубы.

— Зелёное, — выдавила я. — Давай зелёное.

На её лице отразилось облегчение.

— Спасибо, миледи. Спасибо!

Она помогла мне надеть платье. Изумрудный бархат был тяжёлым, дорогим и мягким на ощупь. Золотая вышивка переливалась при каждом движении. Марта затянула шнуровку на спине и застегнула крошечные пуговицы на запястьях.

Затем она заплела мои волосы в косу и уложила её вокруг головы короной, закрепив шпильками с маленькими изумрудами на концах.

Я снова посмотрела в зеркало. Другая девушка смотрела на меня в ответ. В роскошном платье. С идеальной причёской. Красивая. Но холодная.

Я ждала.

Она сидела в кресле у окна и смотрела, как удлиняются тени. Как солнце касается края земли и медленно уходит за горизонт. Небо темнело — из золотого оно становилось багровым, потом фиолетовым, а затем чёрным.

Я ждала.

Сердце билось ровно. Слишком ровно. Руки лежали на коленях, сложенные в спокойном жесте. Я всё отрепетировала в голове. Что скажу. Как посмотрю. Куда упаду на колени.

Они мне помогут. Они должны.

Шаги за дверью. Тяжёлые, уверенные — отцовские. И лёгкие, быстрые — материнские. Я вскочила с кресла. Дверь распахнулась.

И они вошли.

Мать — в дорожном платье из тёмно-зелёного шёлка, со шляпкой, которую она наспех сняла и зажала в руке. Лицо бледное, глаза красные. Отец — в чёрном камзоле, с тростью в руке, с каменным лицом.

Я сорвалась с места.

— Мама!

Я бросилась к ней, упала на колени и обняла её за талию. Я уткнулась лицом в складки её платья. От него пахло домом — розовой водой, которой она всегда пользовалась, и лавандой из саше в её комод. Из глаз хлынули слёзы — горячие, жгучие, неудержимые.

— Мама, пожалуйста, — задыхаясь от рыданий, проговорила я. — Пожалуйста, забери меня отсюда! Я не хочу! Я не могу! Пожалуйста!

Её руки легли мне на голову. Погладили волосы. Дрожащие, холодные.

— Элара, — прошептала она, и в её голосе прозвучала боль. — Элара, милая...

Я подняла голову и посмотрела на отца.

— Папа! — Я протянула к нему руки. — Папа, я не хочу выходить за него замуж! Я люблю Валериана! Ты же знаешь! Ты согласился! Ты благословил нас!

Отец стоял неподвижно. Его лицо оставалось непроницаемым, но в глазах... в глазах была боль. Глубокая. Тёмная. Такая, что хотелось отвернуться.

— Элара, — произнёс он усталым голосом. Старо. — Встань.

— Нет! — Я вцепилась в мамину юбку. — Нет, я не встану, пока вы не пообещаете! Пока не скажете, что заберёте меня!

— Встань, — повторил он более твёрдо.

Мать осторожно высвободилась из моих объятий и отступила на шаг. Я осталась стоять на коленях, глядя на отца снизу вверх.

Он шагнул ближе. Опустился передо мной на одно колено, опираясь на трость. Его лицо оказалось на уровне моего. Серые усталые глаза смотрели прямо на меня.

— Ты должна принять это, Элара, — произнёс он тихо, но твёрдо. — Ты должна достойно принять то, что тебе выпало.

Я замерла.

— Что?

— Стать женой дракона. Он слегка наклонил голову. Морщины вокруг глаз стали глубже. — Это дар. Редкий. Древний. Метка появилась на твоей руке не просто так. Ты — его Истинная. Это связь, которая возникает раз в столетие. Я не могу... — он сглотнул, и его кадык дёрнулся. — Я не могу идти против воли богов.

— Богов?! — Я вскочила на ноги. — Каких богов?! Я этого не просила! Я не хотела! У меня был жених! У меня была жизнь!

— У тебя будет другая жизнь, — отец тоже поднялся. — Более важная. Герцог Радгар — один из древних лордов. Союз с ним...

— К чёрту союз! — закричала я. — Мне плевать на союз! Я люблю Валериана!

Тишина.

Отец стоял прямо, опираясь на трость. Он долго смотрел на меня. Тяжело. Потом медленно покачал головой.

— Ты полюбишь и герцога Радгара, — произнёс он. — Со временем. Когда пробудится магия. Когда твоя человеческая кровь перестанет сопротивляться.

— Нет! — Я шагнула к нему. — Никогда! Я...

— Элара, — его голос стал жёстким. Решительным. — Это решено. Свадьба состоится через неделю. Ты выйдешь замуж за герцога Радгара. Ты станешь его женой. И ты примешь это с достоинством, как подобает герцогине.

Он развернулся к двери.

— Папа! — Я бросилась за ним и схватила его за рукав. — Папа, пожалуйста!

Он остановился. Не обернулся. Просто замер, глядя прямо перед собой.

— Увидимся за ужином, — глухо произнёс он. — А пока мне нужно поговорить с лордом Радгаром.

Он высвободил свой рукав из моих пальцев. Мягко, но решительно. И вышел, закрыв за собой дверь.

Я стояла посреди комнаты. Одна. Мать осталась, но отвернулась к окну, прижав платок к глазам. Её плечи вздрагивали.

— Мама, — прошептала я. — Мама, ну пожалуйста...

Она обернулась. Её лицо было мокрым от слёз. Глаза покраснели и опухли. Она шагнула ко мне, обняла и прижала к себе.

— Прости, — прошептала она мне в волосы. — Прости, милая. Прости.

И заплакала ещё сильнее.

Я стояла в её объятиях и чувствовала, как внутри меня что-то ломается. Медленно. Болезненно. Окончательно.

Они не помогут.

Где же ты Валериан, ты мне так нужен сейчас..

4

Мама больше не плакала. Ее руки, холодные, как лед, взяли мои.

— Элара. Послушай меня.

Я молчала, глядя на гобелен на стене.

— Это честь, — голос ее был тихим, но твердым, как сталь. — Стать истинной парой древнего лорда. Ты не представляешь, какой силой и властью будешь обладать. Наш род еще никогда не поднимался так высоко.

Она сжала мои пальцы.

— Ты думаешь, я любила твоего отца, когда шла под венец? Наш брак был союзом. Я видела его дважды до свадьбы. И ненавидела его. Но я исполнила свой долг. А потом... потом пришло уважение. Привязанность. И любовь, Элара. Настоящая, глубокая любовь. Так будет и у тебя. Ты должна принять свою судьбу. С достоинством.

Ее слова ударили наотмашь.

— А как же Валериан? — прошептала я, и голос сорвался. — Мама, мы любим друг друга. Ты не можешь...

— Любовь? — она резко отдернула руки, словно обжегшись. Взгляд стал жестким, холодным. — Перестань говорить глупости, Элара. Твой Валериан — завсегдатай игорных домов. Он просаживает последние крохи своего состояния, и об этом знает весь двор! Думаешь, ему нужна твоя любовь? Ему нужны твои деньги, чтобы покрыть долги!

— Это неправда! — выкрикнула я. — Он любит меня!

— Отец пошел у тебя на поводу, потому что не мог видеть твоих слез, — отрезала она. — Он благословил этот брак, но он никогда не считал графа тебе парой. А теперь боги сами все решили. Прими это.

Внутри было пусто и холодно.

Тихо стукнули в дверь. Мама вздрогнула. Вошла Марта и поклонилась. — Госпожа, его светлость герцог и лорд Радгар ожидают вас к ужину.

Мама обернулась. Подбородок вздернут, а во взгляде — боль и твердая решимость. Она сделала свой выбор. Я осталась одна.

Я медленно встала.

— Мы идем.

Голос прозвучал глухо, будто чужой. Я прошла мимо матери, не коснувшись ее. Она пошла за мной, как тень.

Обеденный зал сиял. Десятки светящихся сфер под потолком заливали его ярким, холодным светом. Золото на стенах и хрусталь на столе резали глаза. В воздухе пахло жареным мясом, травами. Огромный камин пылал, но его жар не грел.

Мой отец и Кайар уже сидели за столом. Они разговаривали, и их голоса, спокойные и ровные, отдавались от высоких потолков.

— ...и барон Ренли снова требует пересмотра границ лесных угодий, — говорил отец, вертя в пальцах ножку кубка. — Его наглость не знает пределов.

— Наглость барона — прямое следствие слабости короля, — ровно ответил Кайар. — Если монарх не может удержать в узде своих вассалов, это сделают его соседи. Я уже отправил своих людей укрепить спорный участок.

Они замолчали, когда мы подошли. Оба встали. Отец отодвинул стул для матери, Кайар — для меня. Жест был безупречен.

Мы сели. Слуги беззвучно наполнили тарелки. Разговор возобновился, словно нас и не было. Они обсуждали новые пошрины на шелк, строительство моста через реку, интриги при

королевском дворе. Они говорили как равные. Как два хищника, обсуждающие свои охотничьи угодья.

— Я слышала, принцесса Изольда помолвлена с наследником Южного трона? — вдруг спросила мать.

Голос ее был напряжен, но она отчаянно пыталась поддержать светскую беседу.

— Помолвлена, — кивнул Кайар, не сводя с меня глаз. — Хорошая партия для королевства. И плохая для принцессы. Ее будущий муж предпочитает конюхов фрейлинам.

Мать ахнула. Отец нахмурился. А я... я просто резала кусок утки на своей тарелке. Снова и снова. Я была такой же принцессой Изольдой. Моего мнения никто не спрашивал.

Когда унесли десерт, отец откашлялся. Его рука дрогнула, когда он взял кубок.

— Сегодня великий день, — начал он, и голос скрипнул. — Боги порой посылают нам испытания, которые оборачиваются даром...

Взгляд зацепился за кубок в его руке.

— ...Мы с лордом Радгаром все обсудили, — донеслось до меня. — Ваша свадьба состоится через неделю.

Приборы легли на тарелку. Крест-на-крест.

Я посмотрела отца — тот тут же отвел глаза. Посмотрела на Кайара. Он смотрел прямо. Ждал. Моей реакции видимо.

Крика не было.

Молча встала. Отодвинула стул. Пошла к выходу. Шаги гулко отдавались от мраморных плит.

Неделя. Всего неделя. Паника ледяной змеей поползла по венам. Валериан! Успеет ли он? Боги, как ему сообщить, как передать весточку? Он должен узнать! Он должен пойти к королю с жалобой, ведь мы любим друг друга! Он не оставит меня. Он спасет. Он должен успеть.

5

Тяжелые дубовые двери обеденного зала захлопнулись за спиной. Голоса мужчин обрывались на полуслове.

Чужое внимание давило на плечи. Кайар смотрел мне в спину. Я не видела этого, но ощущала каждой клеткой тела. Казалось, плотный шелк платья сейчас затлеет под его немигающим взором. А они там, за столом, продолжали спокойно кроить мою жизнь на куски.

Каблуки ударили по гладкому мрамору. Раз. Другой. Третий. Быстрее. Еще быстрее. Марта выросла рядом бесшумной тенью. Белый чепец, опущенные глаза, глухое молчание. Она заскользила следом, конвоируя меня обратно в клетку.

Вдоль стен каменной галереи замерли стражи в темной форме. Отводящая глаза магия размывала их силуэты и сливалась с кладкой, но от чужого присутствия становилось не по себе. Коридор к моим покоям оказался совершенно пуст. Ни единой фигуры у двери. Кайар был настолько уверен в своей власти, что даже не счел нужным поставить охрану у моего порога. Зачем? Куда я денусь?

Марта распахнула створку и бесцветно пожелала доброй ночи куда-то в пустоту.

Щелкнул замок.

Остатки выдержки покинули меня, и я осела спиной по гладким обоям прямо на жесткий ковер, не дотянув до кровати. Изумрудный бархат платья стянул ребра тугими складками. Перехватило дыхание. Перед глазами стояло отцовское лицо. Он изучал узоры на скатерти. Внимательно, сосредоточенно. Ни разу не поднял глаз, пока чужой мужчина распоряжался его дочерью. Ни слова протеста. Ни единой попытки.

Слезы высохли где-то по дороге сюда. Осталась только горячая, колющая злость, царапающая горло изнутри.

Я рывком поднялась на ноги.

Комната скалилась идеальным порядком. Слуги вычистили каждый след моего бунта. Они вымели осколки, оттерли пятно с гобелена и взбили подушки. Аккуратненько прибрали за капризным ребенком и расставили вещи по местам.

Пальцы сомкнулись на горлышке фарфоровой вазы с каминной полки. Я размахнулась и швырнула ее в стену. Белые осколки брызнули по ковру с хрустом. Следом полетела тяжелая шкатулка, и самоцветы сверкающей россыпью ударили о каменный пол. Я вцепилась обеими руками в портьеру и рванула на себя. Старый дубовый карниз не выдержал. Он рухнул с оглушительным скрежетом, поднял облако пыли и накрыл меня шелком с головой.

Я выбралась из складок и замерла посреди хаоса. Воздуха отчаянно не хватало.

Легче не стало.

Из камина раздался громкий чих.

Я крутанулась на месте, путаясь в подоле. Пальцы вслепую нащарили на столе увесистый медный подсвечник. Руки внезапно ослабели от дурного предчувствия.

Из черной золы вывалился серый комок. Он шлепнулся на мраморные плиты и хорошенько встряхнулся, разбрасывая сажу во все стороны, а затем громко и обиженно чихнул. Существо расправило маленькие перепончатые крылья, почесало острую мордочку лапкой, уселось на задние лапы и уставилось на меня снизу вверх огромными глазами цвета бирюзы.

Оно было размером с крупного кота. Серая всклокоченная шерсть, кожистые крылья, хвост с кисточкой на конце и пасть, полная мелких игольчатых зубов. Незванный гость разглядывал меня без малейшего страха, демонстрируя лишь нахальное, оценивающее любопытство.

— И чем тебе карниз помешал? — проворчало оно хрипловатым насмешливым голоском. — Дубовый был. Красиво висел.

Я попятилась, пока не уперлась спиной в дверцу шкафа. Дыхание перехватило.

— Ты кто такой?!

— Дух, — ответило существо. — Живу в камине. Тут обычно никого не селят, скука смертная. — Оно мотнуло мордочкой в сторону подсвечника. — Поставь, руки отвалятся.

— Не подходи!

— Да и не думал даже, — фыркнул дух. И вдруг осекся. Голова дернулась набок. Бирюзовые глаза сузились в щелки. — Стоп. Ты меня видишь?

— Вижу. Серый, пыльный, с крыльями.

— Ты не понимаешь. — Он приподнялся на задних лапах. Хвост застыл. — Люди меня не видят. Никогда. Максимум чувствуют сквозняк и зябко передергивают плечами. А ты стоишь и разговариваешь со мной.

Он сделал маленький осторожный шаг в мою сторону и потянул носом воздух.

Потом резко замер.

Шерсть на загривке встала дыбом разом, от затылка до самого кончика хвоста. Зрачки расширились, проглотив бирюзу.

— Драконом пахнет, — выдохнул он. Тихо. Совсем другим голосом.

— Что?

— Озон. Горький пепел. Соль. — Дух попятился на шаг, не сводя с меня круглых глаз. — Это не твой запах. Это его. Драконий. — Взгляд метнулся к моему запястью. — Метка?

Руку прострелило жгучей болью. Я инстинктивно и совершенно не раздумывая спрятала ладонь за спину. Не хотела прикасаться. Не хотела даже смотреть.

— Ты его невеста?

— Нет, — отрезала я. Голос прозвучал жестче, чем я рассчитывала.

— Метка говорит другое.

— Мне плевать, что говорит метка. Я ненавижу его.

— Понятно. — Дух ничуть не обиделся. Принял к сведению, и все. — Значит, притащили не спросив. И ты крушишь мебель от бессилия?

Я посмотрела на груды шелка и дубовых обломков у стены. В горле застрял странный звук, похожий одновременно на смех и рыдание.

— Что-то вроде того.

Дух деловито обошел меня по кругу, цокая когтями по паркету. Он старательно принюхивался возле моих щиколоток, у края подола и возле рук. В какой-то момент зверек оперся передними лапами мне на ногу, чтобы дотянуться до рукава. Я вздрогнула от неожиданности. Существо оказалось тяжелым и совершенно осязаемым.

— Постой, — я подозрительно уставилась на него. — Как же ты дух, если ты такой плотный? Прямо как живой.

— Я дух высокого ранга, — он гордо выпятил мохнатую грудь. — Материализованный, ну точнее иногда могу, если сильно постараться. А материальному телу, между прочим, нужно что-то кушать.

Он отстранился, сел на паркет и уверенно подытожил свои наблюдения:

— Вот оно что. Аура человеческая, травами не пахнет, ведьминской метки нет. Зато драконом от тебя несет за версту. Его магия уже в твоей крови. Меняет тебя — зрение, инстинкты, все. Поэтому ты и видишь меня. Обычные люди не способны.

Тошнота подступила к горлу тугой волной. Жар обжег все тело изнутри. Я переступила с ноги на ногу. Руки совершенно не слушались, а колени предательски пружинили от ощущения качнувшегося пола.

— Я не хочу меняться под этого высокомерного индюка!

— Никто не спрашивал, — философски отозвался дух. И тут же без единой паузы вернулся к насущному: — Так вот, насчет покусать. У тебя вон там на подносе как раз орехи

засахаренные лежат. Я на них уже несколько часов смотрю. А они под стеклянной крышкой. Крышка тяжелая, я такую сам не подниму. Поможешь?

Я уставилась на него. Секунду назад он объяснял мне про чужую магию в крови, а теперь кланчит орехи.

— Ты голодный?

— Всегда, — с достоинством ответил дух. — Это мое основное состояние.

— И ты мне это сейчас на жалость давишь?

— Напеваю. Тонко и деликатно.

Пауза.

Я подошла к столику. Подняла тяжелую стеклянную крышку, взяла с подноса засахаренный орех и протянула ему.

Дух уставился на него. На меня. Снова на орех. Осторожно подцепил двумя лапками, поднес к пасти и с громким хрустом раскусил. Глаза закатились. Хвост завилял сам по себе. По мордочке расплылось блаженство.

— Это, — выдохнул он торжественно, — лучшее, что случилось со мной за сегодняшний день.

Я скептически приподняла бровь.

— А ничего, что ты со мной познакомился, разве орех может быть лучше меня?

— Ну, ты на почетном втором месте, — беспечно отозвался дух. — Поверь мне, это просто невероятный орех! Сама попробуй, это правда очень вкусно.

Он требовательно протянул пустую лапку.

— Еще?

Я дала второй. Он схрустел его с таким видом, будто ему вручили орден.

— Как тебя зовут?

— Понятия не имею. — Беспечный взмах хвостом. — Память дырявая. Знаю, что я дух. Что живу в этом замке давно. Что умею ходить сквозь стены и слышать чужие разговоры. Остальное — туман.

— Буду звать тебя Шурш.

— Это еще почему?

— Шуршишь.

Он прислушался к собственным шагам. Когти по паркету. Шерсть по камню. Действительно шуршит.

— Звучит значительно, — решил он. Затем зверек деловито подобрался: — Давай дружить! Ты меня иногда кормишь, а я тебе компанию составляю. Все веселее в драконьем замке. Будем ему козни строить. Я, если что, и подслушивать отлично умею.

Его бирюзовые глаза выразительно косились на поднос.

— Ты, главное, корми.

— Ты предлагаешь союз.

— Взаимовыгодный, — подтвердил Шурш серьезным тоном. — Я помогаю тебе выжить в замке дракона. Ты не сдаешь меня Кайару — он помешан на чистоте, увидит какую-то тварь в камине, развеет к демонам — и кормишь чем-нибудь вкусным.

— Подслушивать — это серьезно?

— Абсолютно. Я знаю все каминные трубы, слышимость там идеальная. Да и тайные ходы тоже знаю. Есть один, ведет прямо за внешнюю стену. — Шурш помолчал. — Правда, под стеной — пропасть метров двести. Но это уже детали.

Нервный смешок вырвался из груди. Первый за весь этот бесконечный, чудовищный день. Тонкий, хриплый, но совершенно настоящий.

— Договорились, Шурш.

— Вот и славно. — Он потерялся шерстяным боком о ножку стула. — Ты мне сразу понравилась. Мебель крушишь, дракона ненавидишь, меня кормишь. Правильный человек.

И в следующую секунду Шурш замер как вкопанный.

Лапа застыла в воздухе. Хвост перестал вилять. Шерсть на загривке поднялась медленной волной от затылка к хвосту, обнажая позвонок за позвонком. Бирюзовые глаза остекленели.

Воздух в комнате переменился. Сладость орехов выдавило чем-то едким и горьким. Пахло озоном, полынью и горелой землей. Метку на запястье пронзило невыносимой болью. Я прижала руку к животу, сдерживая вскрик.

— Сливаемся с тенью, — беззвучно, одними губами выдохнул Шурш. В следующее мгновение он растворился в темноте за камином.

В коридоре раздались шаги.

Глухие. Неторопливые. И пугающе тяжелые. Мраморные плиты отзывались дрожью прямо через подошвы туфель. Шаг. Еще один. Еще. Звуки оборвались у самого порога. Полоска света под дверью погасла, перекрытая сплошной непроницаемой тенью.

Я задержала дыхание.

Бронзовая ручка медленно поползла вниз. Жуткий металлический скрип заставил меня сжаться.

6

Дверь распахнулась без стука.

Кайар заполнил проём целиком. Широкие плечи заслонили свет из коридора. Иссиня-чёрные волосы упали на лоб. Рубашка растёгнута у горла, оголяя тёмную кожу и начало старого глубокого шрама, уходящего к груди.

Я отступила на шаг. Потом ещё на один.

Кайар окинул комнату взглядом. Неторопливо. Осколки вазы. Обрушенная портьера. Россыпь самоцветов по ковру. Его лицо не изменилось. Вообще. Он просто разглядывал разгром с таким спокойствием, что меня передёрнуло сильнее, чем от любого крика.

Он поднял руку и щёлкнул пальцами.

Воздух звякнул. Осколки фарфора взмыли с ковра, закружились и с хрустом срослись обратно в вазу. Портьера метнулась вверх, хлопнула тканью и легла на карниз. Камни проворными ручейками скользнули по полу и юркнули в шкатулку. Крышка захлопнулась сама. Секунда, и комната стояла в идеальном порядке.

Я крушила, ломала и швыряла полчаса. Он починил всё щелчком.

— Твои родители покинули замок, — произнёс Кайар ровно. Смотрел на меня не мигая. — Вернутся в день церемонии.

Сердце ухнуло куда-то вниз. Они уехали. Просто сели в карету и уехали, оставив меня здесь. С ним. Наедине. Я стиснула зубы, чтобы не выдать дрожь в голосе.

— Они даже не попрощались?

Кайар чуть наклонил голову. На мгновение, короткое и почти неуловимое, его челюсть напряглась. Будто он хотел сказать что-то, но передумал. Потом ровно произнёс:

— Твоя мать почувствовала себя плохо. Отец спешно увёз её домой.

Значит, мама всё-таки переживала. Эта деталь, брошенная им вскользь, ударила сильнее всех слов за сегодняшний вечер. Переживала, но уехала. Любила, но оставила.

— Завтра привезут твои вещи из отцовского дома, — продолжил Кайар тем же ровным тоном, будто зачитывал хозяйственный список. — Что понадобится сверх, скажи Марте. Ты не пленница, Элара. Ты хозяйка этого замка.

— Хозяйка, которую заперли на ключ.

— Хозяйка, которая разнесла комнату. — Уголок его рта дрогнул. Едва заметно. — Это временная мера.

Он стоял в нескольких шагах от меня, и расстояние казалось одновременно слишком большим и невыносимо маленьким. Золотые глаза не отпускали. В них горело что-то голодное, терпеливое.

— Я ждал тебя сто восемнадцать лет, — сказал он тихо.

Слова дошли не сразу. Я переспросила, хотя прекрасно расслышала.

— Что?

— Сто восемнадцать лет. Магия знала, что ты будешь в моей жизни. Вела меня к тебе.

Он произнёс это без пафоса, без надрыва. Просто факт. Вода мокрая. Камень твёрдый. Я ждал тебя больше века. Но я заметила, как его пальцы чуть дрогнули у бедра. Длинные, сильные. Быстро сжались и разжались. Он контролировал себя, но не до конца.

— Значит, виновата магия, — горечь полилась сама, я не могла её остановить. — Не ты. Ты просто пришёл и забрал меня с собственной свадьбы, потому что так решила магия.

Молчание.

— Да, — ответил он. И всё. Больше ничего.

И снова эта дрожь в пальцах. Он опустил руку чуть ниже и убрал её за спину. Прятал. Чтобы я не увидела.

Я засмеялась. Сухо, хрипло. Смеяться было не над чем.

— Уходи.

Кайар не двинулся. Он смотрел на меня ещё несколько секунд. Долгих, тянущихся. Потом медленно вдохнул через нос. Глубоко. С усилием. Грудь поднялась и опустилась. Он дышал так, будто воздух в этой комнате обжигал ему лёгкие. И развернулся уйти.

— Кайар.

Я сама не знала, зачем окликнула. Он остановился. Не обернулся.

— Валериан придёт за мной.

Пауза. Долгая. Тяжёлая.

Его спина была прямой, как стальной клинок. Но я видела, хотя он стоял ко мне затылком, как напряглась шея. Как натянулись сухожилия над воротником рубашки.

— Пусть попробует, — сказал он тихо.

Не угроза. Не насмешка. Просто уверенность. Спокойная и нечеловеческая.

Он молчал. Я молчала. Между нами повисло что-то тяжёлое, густое, звенящее. Воздух загустел, стал вязким. Каждый вдох давался с усилием.

И тогда меня повело.

Словно голова закружилась. Я подалась к нему всем телом. Шагнула вперёд, прежде чем успела подумать. Он развернулся навстречу. Меня дико, до судороги потянуло к нему. Сократить расстояние, прижаться, вдохнуть его запах.

Я отдёргнулась так резко, что ударила локтем о столик. Боль прошла руку до плеча и вышибла магическую дурь из головы. Локоть горел огнём. Вот это я понимаю, нормальная честная боль, а не колдовской морок.

Что это было?!

Какого Гхарта я шагнула к нему?! К этому высокомерному чудовищу, который сломал мою жизнь? Который утащил меня со свадьбы на глазах у сотни гостей? Метка на запястье горела, пульсируя в чужом ритме. Тяжёлом, неторопливом. Ритме его сердца.

Он это делает специально. Давит своей драконьей аурой. Ломает мою волю, подчиняет инстинкты, хочет превратить в безвольную тряпку ещё до свадьбы.

Я впилась ногтями в ладони и вцепилась в единственное, что могло удержать меня на месте.

Валериан.

Тёплые руки. Его смех в яблоневом саду. Запрокинутая голова, прищуренные от солнца глаза. Запах спелых яблок и нагретой травы. Я люблю его. Слышишь? Я принадлежу ему. Только ему. Я цеплялась за эти образы, выстраивая из них стену, кирпич за кирпичом, между собой и чужой магией.

Кайар дёрнулся.

Резко, коротко. Будто его ударили. Плечи окаменели. Пальцы сжались в кулаки, костяшки побелели. На скуле бешено забились жилки. Он смотрел на меня, и я видела, как что-то в нём ломается. Золото глаз потемнело, зрачки расширились, поглощая радужку.

Его горло дёрнулось. Он глотнул тяжело, с усилием. И отвернулся.

— Спокойной ночи, Элара, — произнес он.

Развернулся и вышел. Не торопясь. Спокойным ровным шагом. Но я заметила: правая рука сжата так, что побелели не только костяшки, но и запястье.

Дверь захлопнулась. В замке лязгнул ключ.

А секундой позже по ту сторону раздался тяжёлый глухой удар. Кулак о дубовую створку. Дерево мелко задрожало.

Тишина.

Потом шаги. Удаляющиеся. Тяжёлые. Пол подрагивал.

Из камина высунулся мокрый нос. Шурш выбрался на ковёр, стряхнул сажу с крыльев и дёрнул ушами, прислушиваясь.

— Стены в коридоре целы? — сипло прошептал он, косясь на дверь.

Я добрела до кресла и рухнула в него. Пальцы вцепились в подлокотники. Не отодрать.

— Шурш, он залез мне в голову. — Слова выходили рваными кусками, между вдохами. — Давит магией. Ломает волю. Заставляет меня тянуться к нему.

Дух запрыгнул на подлокотник, уселся и заглянул мне в лицо. Без обычной ухмылки. Серьёзно.

— Глупая. Ему это не зачем.

— Что?

— То, что с тобой сейчас было, это не он. Это Истинность. Драконья магия сама по себе. Она признала в тебе пару и перестраивает твою кровь. Вскрывает чувства, настраивает на него. Это двусторонняя связь.

Я уставилась на Шурша. До меня начало доходить.

— Двусторонняя?

— Ты чувствуешь его эмоции и желания, ну а он чувствует твои. — Шурш мрачно кивнул. — Твою злость. Панику. Отвращение. Ты lupишь по нему всем этим, как молотом по наковальне.

Он помолчал. Почесал за ухом.

— Видела, как у него кулаки побелели? Жилку на скуле? Как он дышал, будто воздух раскалённый? Дракону это не свойственно. Это ты с ним делаешь.

Перед глазами вспыхнуло окаменевшее лицо Кайара. Дёрнувшееся горло. Тяжёлый взгляд. Удар кулаком в дверь. А голос ровный. До последней секунды ровный. Он держал маску. Держал изо всех сил, пока моя ненависть рвала его на части. Это сделала я.

Странное чувство шевельнулось в груди. Не жалость. Скорее удивление. Он терпел. Молча. И ушёл, когда стало невыносимо. Не закричал, не ударил, не схватил за руку. Просто ушёл и разбил кулак о дверь, когда думал, что я не слышу.

Я сжала подлокотники крепче и задавила эту мысль. Нельзя. Нельзя жалеть тюремщика. Нельзя искать в нём человеческое. Это ловушка. Его магия ловушка. Всё в этом замке ловушка.

— А если я думаю о другом мужчине? — спросила я медленно. — О том, что люблю другого?

Шурш подавился воздухом. Шерсть на загривке вздыбилась разом. Хвост хлестнул по подлокотнику.

— Ты это сделала?! — прошипел он, вытаращив глаза.

Я кивнула.

— Да ты... — Шурш соскочил с кресла и заметался по ковру. — Ты хоть понимаешь, что натворила?! Влить образ чужого самца в открытую связь Истинных это битое стекло по венам! Тырываешь его изнутри!

Он остановился, повернулся ко мне. Бирюзовые глаза горели.

— Ещё пара таких фокусов, и ты либо убьёшь его этой болью, либо сведёшь зверя с ума окончательно. А обезумевший дракон не станет ждать свадьбы. Он просто возьмёт своё.

Меня затошнило. А Шурш задумался.

— Какой сильный дракон, ты засадила ему нож в самое больное место, какое только есть у дракона. В связь с Истинной. А он это выдержал, другой бы сорвался.

Я молча смотрела на Шурша. Он шуршал когтями по ворсу ковра, бормоча что-то себе под нос. Потом поднял на меня бирюзовые глаза.

— Ты ведь сделаешь это снова, да?

Я не ответила.

Шурш тяжело вздохнул.

— Сумасшедшая, — констатировал он. — Мне определённо повезло с соседкой.

Он запрыгнул на кровать, потоптался, устраиваясь, и свернулся тёплым клубком у моего бедра.

— Опасная ты женщина, — сообщил он тихо. — Дракона мучаешь и даже не боишься.

— Я женщина, которую лишили любви, — отрезала я. — А это хуже любого дракона.

Шурш помолчал, переваривая. Потом кивнул.

— Справедливо.

За окном темнело небо. Ни звёзд, ни луны. Сплошная чернота. Я легла поверх покрывала прямо в платье. Бархат давил и мял, шнуровка впивалась в спину, но раздеваться не было сил. Я смотрела в тёмные каменные своды и считала трещины в потолке.

Неделя. У меня была неделя.

— Валериан придёт за мной, — сказала я в потолок.

Шурш помолчал. Долго. Почесал за ухом.

— Может, — ответил он наконец. — Люди иногда удивляют.

Он не сказал того, что думал. Я почувствовала его сомнения, но не стала спрашивать.

Не сегодня.

Я закрыла глаза. Метка на запястье пульсировала тихо и ровно. Чужое сердцебиение под моей кожей. Второе сердце, которого я не просила. Я положила ладонь поверх метки, накрыла её, будто можно заглушить. Пульсация стала только отчётливее. Упрямая, настойчивая, живая.

Сон пришёл неожиданно. Светлый и добрый. Мне снился Валериан. Мы гуляли по яблоневому саду, он держал меня за руку, а солнце грело плечи сквозь тонкое платье. Он наклонился и поцеловал меня. Сладко, нежно, по-настоящему. Во сне я улыбалась.

А потом проснулась от того, что метка на руке полыхнула жаром. Рывком села в кровати, прижимая запястье к груди. Шурш вскинулся рядом, ошетилившись. Бирюзовые глаза горели в темноте двумя яркими точками.

За дверью тишина. За окном чернота.

Но откуда-то снизу, из самой глубины замка, поднимался звук. Низкий, утробный, вибрирующий. Он проходил сквозь каменные стены и отдавался в костях. В зубах. В метке, которая пульсировала всё быстрее и быстрее, разгоняясь до бешеного ритма.

Рык дракона.

Шурш прижал уши к черепу.

— Он обратился, — прошептал дух. — Внизу. В подземельях.

Рык повторился. Протяжный, страшный, полный такой тоски, что у меня защемило в груди. Против воли. Против всякой логики.

Я прижала ладонь к метке и почувствовала через связь, через кровь, через эту проклятую Истинность, как где-то глубоко под моими ногами огромный чёрный дракон бьётся о каменные стены, пытаясь вытряхнуть из себя боль, которую я ему причинила.

7

Проснулась я от стука.

Три коротких, негромких удара в дверь. Я разлепила глаза и уставилась в незнакомый потолок из тёмного камня с паутиной мелких трещин. Не мой дом. Чужие стены, чужая кровать, чужая жизнь.

Всё вернулось разом, одной тяжёлой удушливой волной. Замок, Кайар, свадьба через неделю, ночной рык из подземелий. И то, как я шагнула к нему вчера, потянулась всем телом, прежде чем успела подумать. Щёки обожгло стыдом. Метка на запястье ныла тупой тянущей болью, как застарелый синяк.

Стук повторился, и из-за двери донёсся тихий голос Марты:

— Входи, — прохрипела я. Горло пересохло.

Марта вошла, придерживая дверь локтем. В руках поднос. За ней вторая девушка, незнакомая, с корзиной белья. Обе присели в реверансе. Молча, слаженно, будто отрепетировали.

Поднос встал на столик у кровати. Свежий хлеб, масло, мёд, яйца, горячий травяной чай в тонкой фарфоровой чашке. Пахло так, что желудок предательски заурчал. Громко. На весь замок, наверное.

— Госпожа, позвольте помочь вам переодеться, — Марта уже раскладывала на кровати платье. Тёмно-синее, простого кроя, с длинными рукавами. Не вечерний наряд. Обычное дневное платье. Удобное.

Я посмотрела на себя. Измятый изумрудный бархат, перекошенная шнуровка, борозды на коже от складок. За ночь ткань скрутилась жгутом и впилась в рёбра. Вид был такой, будто я ночевала в канаве, а не на перинах герцогского замка.

— Ваши вещи из отцовского дома привезут к обеду, — сообщила Марта, расправляя рукава синего платья. — А пока господин распорядился подобрать для вас гардероб.

Господин распорядился. Конечно, он обо всём распорядился, о моих вещах, моей комнате, моём завтраке, всей моей жизни, не спросив разрешения.

Я молча подняла руки, позволяя Марте расшнуровать корсаж. Бархат наконец сполз с плеч, и я вздохнула полной грудью впервые за ночь. Рёбра ныли. Кожа была красная, в рубцах от швов. Марта охнула, увидев следы, но тут же опустила глаза и промолчала.

Синее платье оказалось мягким и лёгким. После бархатных тисков ощущение было, как выбраться из капкана. Марта заплела волосы в простую косу, закрепила шпильками и отступила.

— Госпожа, если вам что-нибудь понадобится...

— Спасибо, Марта. Можешь идти.

Обе девушки вышли. Дверь закрылась.

Я подождала, пока шаги стихнут в коридоре, посчитала до десяти и подошла к подносу. Откусила хлеба, пожевала, заставила себя проглотить.

— Шурш?

Тишина. Потом из камина, из самой тёмной щели между кирпичами, проступило серое пятно. Оно сгустилось, обрело очертания, и на каминную полку приземлился Шурш. Полупрозрачный, с размытыми краями. Крылья просвечивали, хвост подрагивал. Бирюзовые глаза светились тускло, как угли, которые вот-вот погаснут.

— Доброе утро, — буркнул он. Голос глуше обычного, как из-за стены.

— Ты выглядишь ужасно.

— Магия кончилась. Надо копить заново. Пока побуду вот таким. — Он дёрнул прозрачным крылом. — Бестелесным, голодным и бесполезным.

— А орехи?

— Сквозь меня проваливаются. — Шурш тоскливо покосился на поднос. — Вижу, нюхаю, а взять не могу. Это пытка.

Я придвинула поднос и начала есть. Хлеб был свежим, мёд цветочным, чай горячим и душистым. Я ела и злилась на себя за то, что вкусно.

— Там ещё сыр, — подсказал Шурш с каминной полки. — Слева. Под салфеткой. Мягкий, с плесенью. Дорогой, между прочим. Наверное вкусный, доставай скорее.

— Ты же не можешь есть.

— Зато могу завидовать. И ешь быстрее, а то бесишь.

Я допила чай и посмотрела на дверь. И поняла, что не слышала, как проворачивается ключ в замке.

— Шурш.

— Вижу, — он уже смотрел туда же. — Не заперта.

— С чего бы?

— Он же сказал вчера. Временная мера. Видимо, решил, что ты больше не будешь громить мебель.

— А если буду?

— Тогда опять запрет. Но сначала починит. Щелчком. — Шурш фыркнул. — Ладно, что стоишь? Пошли. Покажу тебе замок.

Коридор за дверью был пуст. Серый утренний свет сочился через узкие окна в толстых стенах. Каменные плиты оказались ледяными даже через туфли.

— Направо по главной галерее выйдешь к парадной лестнице, — шепнул Шурш, паря у моего плеча. — Налево, через малый коридор, кухни. Прямо и вниз, подzemелья. Туда не ходи.

— Почему?

— Потому что там дракон. Шучу, пыточная там.

— Что?

— Снова шучу, просто там сыро и холодно, нечего делать.

Я свернула направо, к парадной лестнице.

Замок был огромным. Бесконечные коридоры, залы, переходы, лестницы. Стены из тёмного камня, гобелены, светящиеся сферы под потолками. Всё ухоженное, чистое, строгое. Ни пылинки, ни лишней вещи.

— Помешан на порядке, — прокомментировал Шурш. — Тут одна служанка уронила чашку три года назад. Он не ругался. Просто посмотрел. Она уволилась в тот же день.

— Добрый хозяин.

— Справедливый. Просто у него взгляд такой, что хочется провалиться сквозь землю.

Я промолчала. Знаю, как это работает, на себе проверила.

У поворота к парадной лестнице стоял стражник. Высокий, в тёмной форме, с прямой спиной и вежливым пустым лицом. Заметил меня и слегка поклонился.

— Доброе утро, госпожа.

— Доброе утро. Куда ведёт эта лестница?

— К парадному залу, госпожа.

— Я могу пройти?

— Разумеется, госпожа. Вам открыт весь замок.

Я попыталась свернуть в боковой коридор за его спиной.

— Прошу прощения, госпожа. Это служебное крыло. Там ведутся работы.

— Какие работы?

— Ремонтные, госпожа.

Он стоял так, что обойти его можно было только бочком. Улыбка приклеена, спина прямая. Не шевельнулся.

— Врёт, — шепнул Шурш мне в ухо. — Никаких работ. Это женское крыло.

— Женское? — я чуть не остановилась посреди коридора. — Какое ещё женское?

— Гостевое, для дам, — Шурш летел чуть впереди и говорил, не оборачиваясь. — Другие драконьи семьи присылают сюда своих дочерей, племянниц, кузин. Погостить, познакомиться, показать себя. Надеются, что Кайар наконец выберет кого-нибудь из них в жёны.

— Подожди. Он же ждал Истинную.

— Истинная это редкость. Раз в столетие, а то и реже. Большинство драконов женятся без неё, по договору, по расчёту, по привычке. Сто восемнадцать лет холостой дракон это ненормально. Другие лорды давно потеряли терпение и шлют ему невест пачками. В этом крыле сейчас живёт штук пять драконьих девиц, и все до единой мечтают стать герцогиней Радгар.

У меня в животе противно сжалось. Не от ревности. Точно не от ревности. Просто от мысли, что в этом замке есть ещё и драконицы, которые смотрят на меня как на помеху.

— И они знают про меня?

— К утру знал весь замок, — Шурш хмыкнул. — Человечка, которую лорд Радгар утащил прямо со свадьбы и объявил Истинной. Представляешь, как они обрадовались?

Я представила. Пять драконьих девиц с золотыми глазами, которые годами обхаживали Кайара, и тут является рыжая человечка с веснушками и забирает приз. Весело.

— Они опасны?

— Они драконицы, — ответил Шурш так, будто это объясняло всё. И, пожалуй, объясняло.

— Расскажи.

— Ну смотри. Полгода назад сюда прислали дочку лорда Вейрана, Тарису. Красивая, высокая, с такими ледяными глазами, что вода в кувшине стыла, когда она мимо проходила. Она была уверена, что Кайар выберет её, уже платье заказала, представляешь? И тут приезжает племянница лорда Дейкона, Верена. Помоложе, погорячее, с характером. Две недели они улыбались друг другу на обедах, а потом Верена обнаружила, что все её платья в сундуке облиты чем-то едким. Ткань расплзлась прямо в руках. Шёлк, бархат, кружево, всё в труху.

— Тариса?

— Никто не доказал. Но на следующий день у Тарисы волосы стали зелёными. Ярко-зелёными, как болотная тина. Верена тоже ни при чём, конечно. Просто совпадение. — Шурш ухмыльнулся. — Кайар вызвал обеих к себе. Не знаю, что он им сказал, но Тариса вышла из кабинета белая, как мел, а Верена плакала. Обе вели себя идеально целый месяц. Потом Тариса уехала.

— А Верена?

— До сих пор здесь. И ещё четверо. Все ждут. Все надеются. А тут появляешься ты, и все их надежды летят в пропасть. — Шурш покосился на меня. — Так что если найдёшь свои вещи испорченными или чай с привкусом горечи, не удивляйся.

Замечательно. Мало мне дракона, магической связи и вынужденной свадьбы. Теперь ещё пять ревнивых драконьих красавиц, которым я случайно перешла дорогу.

Следующий коридор. Ещё один стражник. Та же вежливость, те же пустые глаза.

— Южная башня закрыта для посещений, госпожа. Магическая нестабильность.

— Тоже врет, но хотя бы креативно, — оценил Шурш. — Магическая нестабильность! Звучит солидно. На самом деле там оружейная и выход на стену.

Шесть коридоров. Четыре стражника, каждый вежливее предыдущего. Каждый мягко, учтиво и непреклонно направлял меня обратно к парадным залам, столовой и саду. Красивые, бесполезные комнаты. Гостиные, библиотека, музыкальная зала. Всё без выхода наружу.

Золотая клетка, просторная и ухоженная, но от этого не менее запертая.

— Кухня? — спросила я.

— Вниз по этой лестнице и налево. Там нет стражи. Повара безобидные.

Кухня оказалась огромной. Низкие каменные своды, три очага в ряд, медные кастрюли. Пахло жареным луком, травами и тестом. У длинного стола работали пятеро. Старший повар, грузный, с красным лицом и руками, как окорока, первым заметил меня в дверях. Нож замер на полувзмахе.

— Госпожа?!

Все пятеро развернулись одновременно и уставились на меня. В наступившей тишине было слышно только, как булькает суп в котле.

— Я хотела попросить стакан воды, — сказала я.

Повар моргнул. Потом ещё раз. Суетливо вытер руки о фартук и бросился к полке.

— Воды? Конечно! Сейчас! Мигом! — Он налил воду в хрустальный бокал, который среди кастрюль и разделочных досок выглядел совершенно нелепо. — Или, может, чаю? Сока? У нас яблочный, свежий!

— Воды достаточно.

Я сделала глоток и осмотрелась. Три двери. Та, через которую вошла. Вторая вела в кладовую, судя по мешкам и бочкам за порогом. Третья закрыта и обита железом.

— А эта дверь куда ведёт?

Повар проследил за моим взглядом и посерьёзней.

— К хозяйственному двору и дальше к воротам, госпожа. Но она заперта. Ключ только у экономки.

Он правда выглядел виноватым. Хотя бы один человек в этом замке не умел врать.

— Госпожа, а вам пирожков? — встрял молоденький поварёнок из-за спины старшего. Худой, вихрастый, с мучной полосой на щеке. — Только испёк! С ежевикой! Горячие!

— Кирс! — рявкнул повар. — Госпожа не нуждается в...

— Давай, — сказала я.

Кирс просиял и метнулся к печи. Пирожки были маленькие, золотистые, с подтёками ягодного сока на бочках. Я откусила. Тесто обожгло нёбо, а потом по языку разлилась кислая сладость ежевики.

Вкусно.

— Возьмите ещё, — Кирс подвинул тарелку. — Этих никто не считает.

Я взяла два пирожка, завернула в салфетку и спрятала в карман платья. Для Шурша. Когда накопит магию.

Шурш, невидимый для всех, парил под потолком кухни. Когда я посмотрела вверх, он прижимал прозрачные лапки к мордочке и раскачивался из стороны в сторону, глядя на пирожки так, как голодный пёс смотрит на мясную лавку.

— Когда я накоплю магию, — беззвучно пообещал он, — ты мне должна будешь целый противень.

Я вышла из кухни и пошла наверх. Шурш летел рядом, заглядывая в щели и за портьеры.

— Галерея предков, — объявил он, когда мы свернули в длинный широкий коридор. — Все Радгары за последнюю тысячу лет. Портреты, гобелены, мечи. Кайар не любит сюда ходить.

— Почему?

— Не знаю. Может, родственники раздражают. У меня бы раздражали, будь у меня родственники.

Галерея была впечатляющей. Высокие потолки, стрельчатые окна, ряды портретов в тяжёлых рамах. Мужчины и женщины с золотыми глазами смотрели на меня со стен. У всех одинаковое выражение. Спокойное, властное, чуть надменное. Тысяча лет одного и того же лица в разных вариациях.

На некоторых портретах рядом с мужчинами стояли женщины. Тоже с золотыми глазами. Драконицы. Ни одного человеческого лица. Ни одной рыжеволосой девушки с веснушками и зелёными глазами. Я тут чужая. Была чужой и буду.

Я остановилась у последнего портрета. Молодой мужчина с иссиня-чёрными волосами и знакомым шрамом на груди в вырезе камзола. Кайар. Только моложе. И с другими глазами, не голодными, не терпеливыми, а просто усталыми. Эта усталость проступала сквозь краску так отчётливо, что хотелось отвернуться.

Шурш вдруг дёрнулся. Уши прижались к черепу, хвост втянулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.